Марина Ветрова ✦ Анна Шилд

Вдова по контракту.

Ты заплатил за моего мужа,
но не смог купить моё сердце!

Анна Шилд

Вдова по контракту. Ты заплатил за моего мужа, но не смог купить моё сердце!

«Автор»
2026

Шилд А.

Вдова по контракту. Ты заплатил за моего мужа, но не смог купить моё сердце! / А. Шилд — «Автор», 2026

Два года я оплакивала мужа, талантливого хирурга, и берегла созданную им клинику.Пока случайно не услышала страшную правду: наш брак был сделкой, за которую его партнёр Игорь заплатил двести тысяч евро.Теперь он присвоил клинику и собирается лишить меня последнего.Я бегу из прежней жизни и оказываюсь на роскошном курорте, где знакомлюсь с влиятельным шейхом Халидом.Он предлагает помощь, но я больше не доверяю мужчинам.А потом получаю письмо покойного мужа.В нём тайна, способная перевернуть всё: нашу любовь, его смерть и судьбу клиники.Смогу ли я вернуть своё имя и позволить себе полюбить снова после всей пережитой мной боли?

© Шилд А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Цветы на чужой юбилей 5
Глава 2. Одна сумка 8
Глава 3. Человек, который помнит 11
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Марина Ветрова, Анна Шилд
Вдова по контракту. Ты заплатил за моего мужа, но не смог купить моё сердце!

Глава 1. Цветы на чужой юбилей

В то утро я купила белые хризантемы — Артём не любил розы, говорил, что в них слишком много чужой парадности. Две ветки, столько, сколько кладут на могилу. Ровно два года со дня его смерти. Часы считать разучилась, но с днями ничего не выходило: сегодня в шесть утра, едва открыв глаза, пришлось снова нащупать пустую половину постели. Простыня там была холодная. Снова одна.

Ещё немного полежала, глядя в потолок: рассвет высветил трещину от люстры — старую, знакомую до последней чёрточки, как складка на наволочке и скрип половицы у балконной двери. За стеной у соседей будильник. У кого-то утро начиналось с кофе и планов. У меня — с подсчёта: два года, день в день, столько-то часов. Отучала себя от этого счёта и каждое утро просыпалась с ним, как с чужой монетой в кулаке.

Клиника «Карделла» встретила меня запахом антисептика и гудением кофе-машины на ресепшене. Администратором здесь работала с самого открытия — Артём строил эту клинику, рисовал её на салфетках в нашей кухне, обводил окна пальцем: «Вот тут будет зимний сад, Нин. А тут — палаты с видом на реку, чтобы больные смотрели не в стену, а в жизнь».

Зимний сад теперь называли «зона ожидания с озеленением». А Артёма называли «покойный партнёр» — в отчётах, на совещаниях, в галерее портретов в холле, где его фотография висела третьей, после инвесторов. У третьей рамки каждый раз замедляла шаг, на ходу задерживая взгляд, и за два года ни разу не позволила себе поднести пальцы к краю его лица на фотографии. Витрине не положено.

— Ниночка, ты сегодня рано. — Охранник Володя кивнул мне из своей будки. — Ты бледная. Может, чаю?

— Хорошо, Володечка. Спасибо.

Он принёс мне чай в старой эмалированной кружке — в клинике были красивые чашки, но Володя для своих держал эту, с потёртым синим ободком, «чтобы душа не обжигалась», — и посмотрел на цветы в моих руках. Посмотрел и отвернулся. Володя знал дату. Володя, кажется, единственный во всей «Карделле» знал дату и помнил её без бумажки.

Два года все называли меня «вдова Тарасова-Смирнова». Даже так — сначала фамилия партнёра, потом фамилия мужа, будто я была приложением к чужому имени. Игорь Тарасов носил траур как деловой костюм: чёрный пиджак по средам, речь о «памяти Артёма» на каждой конференции, рука на моём плече на каждом банкете. «Нина, ты как семья», — говорил он, и я верила, потому что мне больше некуда было верить. Родителей у меня не осталось, детей Бог не дал. Был Артём — и не стало Артёма, а осталась клиника, его дело, и я держалась за неё, как утопающая за борт.

Перед тем как идти наверх, поставила хризантемы в керамическую вазу у своего стола, налила воды. В десять понесла цветы к Игорю. Кабинет Артёма — теперь кабинет Игоря — находился на третьем этаже; туда всегда поднималась пешком, потому что в лифте с цветами душно. На площадке пахло свежей краской — стены перекрасили в серый, Артём хотел тёплый бежевый. Однажды заговорила об этом с Игорем, между делом, с чашкой кофе в руке: «Артём мечтал о бежевом». Он ответил, не поднимая глаз от монитора: «Бежевый маркий. Бизнесу

нужен серый». Странный ответ — тогда это царапнуло. Кажется, это была первая замеченная трещина, которую сама же и замазала.

Потянувшись постучать, застыла у двери, удерживая тяжёлую вазу.

Дверь была приоткрыта. Сантиметров на десять. И из щели тянуло женским смехом.

— А помнишь, как она в тот день лежала на ковре перед его портретом? — голос Камиллы, рыжеватой девицы из коммерческого отдела, которую Игорь «взял на работу из милосердия». — Я чуть не умираю. Два года, Игорь. Два года она играет вдову в спектакле, который поставил ты.

— Тише. — Игорь понизил голос, заговорил вкрадчиво: так он обычно уговаривал рассерженных пациентов. — Стены имеют уши. Хотя... слушай дальше, тебе понравится. Самое смешное — что она правда не знает.

— Не знает чего?

— Ничего. Абсолютно ничего, — Игорь засмеялся, и от этого знакомого смеха у меня похолодели пальцы. Пятнадцать лет слышала его, с тех пор как он пришёл молодым амбициозным доктором к моему Артёму, ещё аспиранту, и сказал: «Мы вместе перевернём эту медицину». — Камилла. Брак был сделкой. Обычной сделкой. Артёму нужны были деньги на клинику, мне — приличная биография. Я нашёл ему Нину. Тихую, безродную, симпатичную — идеальную жену для хирурга на подъёме. Заплатил ему за «роль мужа» столько, что он не смог отказаться.

Керамическая ваза оттянула мне запястье: приходилось удерживать её крепче, упираясь ногтями в глазурь. Хризантемы качнулись, и один лист шлёпнул меня по запястью — холодный, живой, невозможный.

— Врёшь, — прошептала я. — Он не мог...

— Документы, — продолжал Игорь с наслаждением, — я начал готовить ещё при жизни дорогого Артёма. Доверенность. Траст. Фирма «Карделла-мед» переписана на меня за год до его аварии. Устав — задним числом. Партнёрское соглашение — подписано им же, я подсовывал бумаги в общую стопку, он подписывал не глядя, у него же руки... ну, ты понимаешь, у хирурга руки так устроены — подписывать умеют, читать некогда. А вдову я держу два года как витрину. «Память Артёма», «вдовья верность» — это же бесплатный пиар, Камилла. Один мой пиарщик посчитал: она приносит мне больше, чем отдел маркетинга.

— А когда её уберёшь?

— Медленно. Подпишет отказ от претензий — и можно выпускать. Она, кстати, идёт сюда. Я слышал лифт... нет, пешком. Она всегда пешком, наша вдовушка.

Не помню, как толкнула дверь. Помню только, как хризантемы царапнули косяк, как белый лепесток оторвался и упал на серый пол — маленький, заметный, как первая трещина.

Они стояли у окна. Камилла — в красном, негодующе-весёлая, даже не потрудилась отступить. Игорь — в идеально сидящем сером костюме, с чашкой кофе, и он даже не вздрогнул. В его взгляде было узнавание: он ждал этого момента. Может, все два года и ждал.

— Нина. — Он улыбнулся мне почти приветливо. — Ты что-то хотела?

— Что я хотела, — повторила за ним. Голос звучал откуда-то со стороны, чужой, тонкий. — Игорь. Скажи мне, что я плохо слышала. Скажи, что это шутка.

— Ой! — Камилла захлопала ресницами. — Она всё слышала.

— Выйди, — велела ей, стиснув горлышко вазы.

— Игорь?

— Выйди, Камилла, — подтвердил Игорь.

Она вышла, бряцая браслетами, и на ходу махнула у моего лица рукой с красными ногтями, подзывая, как горничную: «Сочувствую, дорогая. Правда сочувствую». Лак был свежий, только что из салона; взгляд зацепился за безупречный блеск. За что угодно, лишь бы оттянуть встречу с Игорем глаза в глаза.

Дверь закрылась. Мы остались вдвоём с человеком, которого пятнадцать лет называла почти братом мужа.

— Сядь, — предложил Игорь.

— Я стою.

— Ну как хочешь. — Он поставил чашку на стол Артёма. Ваза выскальзывала из моих пальцев; Игорь забрал её и тоже поставил на стол, придвинув к краю, как мешающие бумаги. — Ты слышала верно. Присядь хотя бы... ладно. Что ты хочешь услышать?

— Что брак Артёма со мной... — Закончить не получилось: пересохшее горло перехватило.

— Был коммерческим проектом? Это правда. Я организовал ваше знакомство. Он получил деньги — двести тысяч евро, если тебе интересно, тогда это были для него неподъёмные деньги. Клинику я потом своими вложениями выкупил из его долгов. Траст оформлен, оферта подписана, устав зарегистрирован в поправленной редакции. Юридически, Нина, в «Карделле» нет ни одного квадратного метра, который имел бы к тебе отношение. И — прости за прямоту — даже фамилии твоей в бумагах нет. Никакой. Ты же никто. Ты вдова по паспорту и витрина по должности.

— Витрина, — повторила, глядя на знакомый край стола. Слово было противное, липкое. — Два года. Ты жал мне руку на поминках.

— И жал бы ещё десять. — Он пожал плечами с будничным видом, с каким обсуждал графики дежурств. — Витрину надо протирать. Ты протиралась хорошо, Нина. Без скрипа.

Пол под ногами качнулся, как палуба в шторм; к горлу подступила желчь, в ушах зашумело. Схватилась за спинку кресла, боясь упасть перед ним на колени. Кожаная спинка хрустнула под пальцами.

— Авария. — Пришлось сглотнуть, чтобы выговорить остальное. — Артём погиб... на той трассе, ночью, возвращаясь от подрядчика...

— Ну-у, — протянул Игорь, и от этого уклончивого «ну-у» колени снова подогнулись. — Давай без конспирологии. Авария есть авария. Протокол читала. Всё чисто.

— Ты убил его?

— Нина. — Он приблизился вплотную; дорогой одеколон перебивал запах цветов, а в его лице по-прежнему не было тревоги. — Не говори глупостей, я не люблю глупостей. Я говорю тебе правду, потому что ты заслужила хотя бы её за два года красивого вранья. Ты была хорошей витриной. Перестань быть плохим следователем.

Смотрела на его руки — холёные, с массивными часами. Два года он гладил меня по плечу на поминках, а теперь хотелось отшатнуться и спрятаться от привычной утешительной ласки. Может, всё это давно было видно, но любовь к собственной памяти заставляла отводить глаза.

— Документы на отказ. — Вернувшись за стол, он выдвинул ящик. — Тут всё: ты не претендуешь ни на что, я закрываю твой кредит, оставляю тебе месячную зарплату... и небольшую премию, три тысячи евро. Подпиши молча — и разъедемся красиво. Ты получишь рекомендацию. Даже с характеристикой «преданный памяти мужа человек».

Он положил передо мной стопку бумаг. Сверху белела ручка — моя, из моего же стола на ресепшене, он взял её, когда по вторникам носила сюда кофе. Сколько раз он брал мои ручки. Сколько раз подписывала ему что-то не глядя.

Я ведь тоже подписывала не глядя.

— Не подпишу. — Ручка осталась лежать поверх бумаг.

— Подпишешь. — Он улыбнулся. У него было красивое лицо, прежде казавшееся мне благородным. — Тебе некуда идти, Ниночка. Тебе не на что жить и не с кем. Через сутки ты вернёшься с этой ручкой в зубах. Все возвращаются.

Глава 2. Одна сумка

Не помню, как спустилась на первый этаж. Помню зимний сад — «зону ожидания с озеленением», — помню, как Артём водил тут пальцем: «зимний сад, Нин, тут будет зимний сад». Помню, что вынула хризантемы из вазы, оставив её на столе Игоря, и принесла к портрету в холле. Он висел третьим. Уложила цветы на выступ под рамкой, одна ветка соскользнула; пришлось наклониться и поднять её. Володя из будки отвернулся, чтобы не видеть, как вдова подбирает с пола свои же цветы. Одна женщина из регистратуры смотрела прямо. Её испуганное, доброе лицо врезалось в память. Она прижала к себе папку и осталась за стойкой. Это тоже запомнилось.

А потом снова зазвучала в ушах его интонация — страшнее самих слов. Он не боялся. Совсем. К такому разговору он готовился давно: даже дыхание осталось размеренным, когда перечислял отнятое у меня. Значит, он заранее привёл бумаги в порядок. После этого разговора всё наговорённое им казалось правдой: юридически я никто.

Телефон завибрировал. Сообщение от Игоря: «Остынь. Жду тебя завтра в десять с ручкой. Добавил к предложению ещё одну тысячу, за моральный ущерб моему бизнесу от твоей сцены. Улыбающийся смайлик с языком».

От этого нарисованного словами смайлика стало жарко. Там, где два года был лёд, ломалась наледь; под ней всё это время текла живая, злая, моя собственная вода.

Он был прав в одном: мне некуда идти. Пока.

За сутки можно потерять всё, если всё твоё держалось на одном человеке, а человек оказался бумажной папкой с фальшивыми подписями.

В десять ноль-ноль к Игорю не поехала. В десять ноль пять в мою почту упало уведомление: «Уведомляем о расторжении трудового договора по соглашению сторон». Моего согласия никто не спрашивал. В десять двадцать охрана уже стояла возле моего рабочего стола на ресепшене — двое, большие, вежливые, — и Володя, опустив голову, разглядывал пол, и это молчание было красноречивее любого приговора. Он только одними губами произнёс: «Прости, Нин». И это «прости» унесла с собой — единственное, что мне оставили из «Карделлы».

— Дарью тоже? — Сотрудница отдела кадров протягивала мне конверт с расчётом, продолжая глядеть в монитор.

— Дарью тоже. Соня выйдет через час, уточните у неё. Пока оформляют.

Дарья Рудакова, медсестра кардиореанимации, тридцать лет, острый язык и верность размером с операционную. Единственный человек в «Карделле», который принесёт мне кофе без спроса и скажет в лицо, что у меня дурно лежит шиньон.

К двенадцати выяснилось, что со счётом тоже беда. Карта отказала прямо в аптеке при покупке валерьянки — по иронии, в аптеке напротив клиники. Провизор дважды провела карту, потом посмотрела на меня с жалостью: «Мадам, платёж почему-то отклонён». В банке вежливая девушка объяснила: «По вашей карте приостановлены операции: представитель Тарасов И. В. подал заявление о спорных списаниях. Доверенность выдана вами, Смирновой Н. А. До проверки доступ ограничен». Доверенность выдала сама: помнила и лист на столе, и синюю пасту на кончике его ручки. Два года назад, когда похоронные листы Артёма валялись у меня на столе, когда ночами не могла уснуть, Игорь сказал: «Дай мне бумажку на счёт, Нин, чтобы я мог оплачивать за тебя, пока ты не в себе». Подписала, не глядя. Вспомнилась вчерашняя насмешка Игоря над хирургом: подписывать умеет, читать некогда. Экономисту вроде меня следовало всё проверить, но в дни похорон только и могла, что довериться ему.

К четырём пришло письмо от управляющей компании дома, где была квартира Артёма — наша квартира, где мы прожили шесть лет, где на кухне обводили окна клиники. Квартира оказалась предметом залога по кредитному договору, который Артём «заключил» за восемь

месяцев до гибели. Пеня, просрочка, обращение взыскания. Квартира, в которую, к слову, уже не могла попасть — ключи «случайно» не подошли ещё месяц назад, и сантехник Игоря «поменял замки из-за протечки», — теперь становилась чужой по всем правилам. Там осталась моя зимняя куртка. Там остались его книги — с пометками на полях, его почерк, торопливые стрелочки. Всё это теперь имело отношение к чужому залогу.

Сидела на детской площадке напротив дома и листала телефон. Любила эту старую скрипучую площадку: здесь вечерами ждала Артёма после операций, поглядывая на въезд во двор. Писала бывшим коллегам Артёма, друзьям-врачам, людям, которые ели наш борщ и гуляли с нами свадьбу. «Лёш, можно мне перезвонить? Мне нужен совет». Лёш прочитал через четыре минуты. Не ответил. Через час служебный сервис показал его на сайте клиники: он листал вакансии. Никто не ответил. Никто. Они все работали у Игоря. Они все видели в холле, как вдову выводят под руки охранники. К собственному удивлению, даже осуждать их не получалось: у каждого ипотека, у каждого ребёнок, у каждого семья, которую можно потерять за один неудобный звонок. Подо мной поскрипывала карусель. Вокруг зажигались окна, знакомые за пятнадцать лет жизни, и ни одно из них не было моим.

К семи вечера из клиники вылетела Дарья — со скоростью, с которой в «Карделле» раньше увольняли только за кражу наркотиков.

— За врачебную ошибку, представляешь? — Она швырнула на скамейку рядом со мной сумку и села, дыша, как после подъёма на девятый этаж, маленькая, рыжая от злости, в своей единственной приличной куртке. — Меня, диплом с отличием, за то, что я в карте усопшего Иванова «неверно указала время приёма лекарства». Время, Нин! На минуточку! Они даже не придумали. Это же вызов. Это тебе вызов, да?

— Даш...

— Молчи. У меня съёмная хата, я терять умею. Встала — и пошла. Но ты... — Она посмотрела на меня; сжав губы, провела по моей щеке, и от этой бережности захотелось расплакаться. — Ты совсем одна, да? Совсем-совсем?

— Совсем.

Она помолчала. Потом встала, подошла ко мне и обняла — крепко, по-медсестрински, так, как обнимают тех, кого держали в руках на границе между жизнью и нет, — и сказала в макушку:

— Всё. Теперь ты одна вдвоём со мной. Это, между прочим, лучше, чем одна с ними.

— Дарья, а тебя не запугают? Меня за сутки вышвырнули, тебя за полдня...

— Меня? — Она отстранилась, и злость вернулась в её глаза, уже весёлая. — Меня запугать можно только хроническим недосыпом, а он у меня с первых ночных смен. Пошли собирать тебя.

К ней идти было нельзя: хозяйка-придира терпела в комнате только одну квартирантку. Друзей, готовых открыть нам дверь, тоже не нашлось. Из временной комнаты, где жила после смены замков, забрала вещи; Дарья помогла донести их до площадки. Собрали меня прямо там, на скамейке: один чемоданчик и одна сумка. В чемодан вошли две юбки, три кофты, фотографии и зубная щётка. В сумку — всё остальное, то есть почти ничего. Глядя на маленький ворох — всё, что осталось от моей жизни на семидесяти квадратных метрах, — думала: вот, оказывается, сколько весит человек, если его распаковать.

Мы сели в ночной автобус на юг, потому что так вышло.

А вышло так. Уже у автовокзала, на скамейке, пока в четвёртый раз пересчитывала наличные — сколько осталось от «расчёта» с вычетом «штрафных удержаний», четыре тысячи восемьсот рублей и мелочь, — Дарья тормошила свою сумку, добралась до потайного кармана и с торжествующим видом извлекла конверт.

— Держи. Это тебе тёща моя завещала. Ну, не завещала, оставила на память, она у меня с юга привезла. Смотри.

— Какая тёща, Дарка? У тебя и мужа-то нет.

— Вот и я про то. Даже богатую родню приходится выдумывать. Открывай, там правда тебе.

В конверте лежали сложенные вчетверо деньги — от неожиданности вырвался вздох, — и записка. Почерк Дарьи, торопливый, с завитками: «Нинок. Это мои отложенные, двенадцать тысяч, не спорь, я тебе их ещё в долг не вернула за тот новый год, когда ты мне ночёвку дала. Трать на билеты и еду. И послушай меня: не оставайся в этом городе. Поедем сначала на юг, а оттуда на океан. В санатории «Морские террасы» в прошлом году моя Кристина санитаркой была — говорит, там чудо. Там хозяин такой, что любого должника из ямы выкупает и на ноги ставит, кодекс у него такой, семейный. Не спрашивай, я сама не поняла, но Кристина клянётся. Там ждёт чудо. Поедем. Твоя Дарка».

— Двенадцать тысяч — это чудо? — Вытерла глаза рукавом, стараясь не намочить записку.

— Двенадцать тысяч — это два билета на ночной автобус до первого пункта нашей поездки и три дня на еду, — отрезала Дарья. — А чудо — это то, что ты, глядя в бездну, всё-таки усмехнулась. Я видела. Минуту назад. Пиши — минута назад, Нин Смирнова усмехнулась.

— А дальше? Дарка, до Атлантики эти деньги нас не довезут.

— Дальше платит курорт. Кристина предложила мне временные оплачиваемые смены помощницей персонала. Девять дней служебного проживания, перелёт и трансфер оплачены. Работаю я, ты — гостья.

— Ты уже договорилась?

— Пока ты коллегам писала. Загранпаспорта с действующими визами у нас есть. Твой взяла?

Кивнула, проверив карман с обоими паспортами.

— Вот билеты и подтверждение от Кристины. Завтра на пересадке нас встретят. Дальше — их трансфер.

Она придвинула телефон. На билетах стояли наши фамилии. Оставалось поверить, что завтра меня там действительно впустят.

Автобус тронулся в половине двенадцатого. Город — с клиникой, с портретом, с могилой, для которой утром покупала хризантемы, — поплыл за стеклом, мутный от дождя. Дарья уснула, привалившись ко мне плечом, и во сне повторяла: «Террасы... террасы...»

Глава 3. Человек, который помнит

Сон не шёл. Смотрела в тёмное окно и перебирала, как чётки, всё, что знаю об Игоре. Каждое воспоминание теперь вызывало новый вопрос; ответить было некому. Пятнадцать лет человек шёл рядом и вёл свою бухгалтерию моей жизни. Двести тысяч евро за роль мужа. Витрина. Никто. И где-то в этой бухгалтерии, между строк, — Артём, который подписывал не глядя. Куда он спешил тогда, куда он всегда спешил? К больным. Он спешил к больным, а кто-то раскладывал его спешку по папкам.

Где-то за Воронежем достала телефон, набрала в блокноте первое за два года своё собственное, никому не адресованное слово: «Игорь. Ты переписал всё, что мог переписать». Посмотрела на эту строчку. Добавила: «Кроме одного». Стерла обе. К чему обещания. К чему слова. Обещать кому-то что-нибудь больше не собиралась.

Собиралась выжить. И по дороге — выжить так, чтобы он однажды проснулся и понял, что продешевил. Двести тысяч евро. Он не знал цены вещам, которые покупал.

Автобус мчал на юг, к первой пересадке. За ней были перелёт, океан и «Морские террасы», где, по уверению Кристины из рассказов Дарьи, ждёт чудо.

В чудо не верила. Но уже ехала ему навстречу.

— Держи сумку, — Дарья подтолкнула меня к стойке.

Курорт «Морские террасы» встретил нас запахом соли, инжира и мокрого камня. Он спускался к атлантическому океану белыми ступенями-террасами, увенчанный низкими зданиями цвета яичной скорлупы, и всё здесь — от каменных львов у ворот до полотенец с монограммой — говорило на языке тихих, невысказанных денег. Деньги здесь ощущались тихим постоянным присутствием: в ширине лестничных пролётов, в том, как бесшумно закрывалась дверь лифта, в том, что садовник, орудуя секатором, склонялся к каждому ветвлению, прежде чем сделать срез.

— Три тысячи четыреста евро за «горящую» неделю, — произнесла девушка за стойкой приёма, глядя на нас с той особой вежливостью, которая означает «мадам, я вижу вашу сумку». — В цену входит медицинская консультация по программе курорта, спа на два сеанса и ужин.

— Дарья, у нас почти всё ушло на дорогу, — прошептала я, переводя курс в голове. Дарьины двенадцать тысяч рублей равнялись полутора сотням евро с хвостиком, и от этой арифметики хотелось сжаться.

— Это цена отдыха. У нас девять дней служебного проживания, — Дарья положила на стойку письмо Кристины. — Временные оплачиваемые смены помощницей персонала. Дорогу и комнату на двоих оплачивает курорт, помните?

Девушка нашла нашу бронь.

— Да, всё подтверждено. Вы работаете, госпожа Смирнова живёт с вами как гостья. Доплаты нет.

— Половина оставшегося — деньги на еду, — выдохнула я. — Остальное — наша гордость. Гордость не тратят. Девять дней всё-таки лучше трёх. Берём девять.

Помедлив, девушка молча оформила проживание и добавила к ключам два крючка для мокрых купальников, «комплимент от курорта».

Номер был крошечный, но с окном на океан, и в первую ночь после автовокзала спала впервые за два дня — тяжело, без снов, под шум прибоя. Считать в евро перестала к третьему дню: иначе можно было не дышать. Мы научились жить маленько: Дарья находила на набережной пирс, где рыбаки в шестом часу продавали сардины, и торговалась на смеси русского и жестов; мне досталась булочная, где после шести вчерашний хлеб стоил втрое дешевле, и продавщица начала откладывать мне лучший — «для мадам с честными глазами». Копеечные

жалкие капиталы, а держали, как перила. Дарья бегала на смены, а к завтраку мы встречались у окна.

Чудо пришло на второй день, за завтраком. Оно шло через столовую в костюме безупречного тёмного покроя, в сопровождении двух мужчин. Охрана и партнёры встречали вошедших лёгким наклоном корпуса; в этой почтительности было признание власти, которая для них значила больше денег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.